

Article No 243

DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2020.7.18>



Citation:

Бабоша, И. (2020). Рецензия на сборник очерков Войцеха Кайтоха „Osieć szkicóć o dziełach kultury popularnej. Dawnych i współczesnych” (Kraków 2019) [Восемь очерков о произведениях популярной культуры прошлого и настоящего (Краков 2019)]. *Studia Rossica Gedanensia*, 7: 249–255.
DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2020.7.18>

Baboša, I. (2020). Recenziã na sbornik očerkov Wojceha Kajtoha „Osieć szkicóć o dziełach kultury popularnej. Dawnych i współczesnych” (Kraków 2019) [Vosem’ očerkov o proizvedeniãh popularnoj kultury prošlogo i nastoãšego (Krakov 2019)]. *Studia Rossica Gedanensia*, 7: 247–253.
DOI: <https://doi.org/10.26881/srg.2020.7.18>

РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК ОЧЕРКОВ ВОЙЦЕХА КАЙТОХА
*OSIEĆ SZKICÓW O DZIEŁACH KULTURY POPULARNEJ,
DAWNYCH I WSPÓŁCZESNYCH* (KRAKÓW 2019)
[ВОСЕМЬ ОЧЕРКОВ О ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПОПУЛЯРНОЙ
КУЛЬТУРЫ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО (КРАКОВ 2019)]

ИВАН БАБОША / IVAN BABOSHA

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова /
Lomonosov Moscow State University
Исторический факультет / Faculty of History
Ломоносовский проспект, д. 27, корп.4, 119192, г. Москва, Россия /
Lomonosovskiy Prospekt, 27, корп. 4, Moscow, Russia
(Студент магистратуры / Graduate student)
E-mail: ivanbabosha@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2502-3906>
(Получено / Received 12.11.2020. Принято / Accepted 14.11.2020)

Abstract

**The review of W. Kajtoch's collection of essays *Osiem szkiców o dziełach kultury popularnej, dawnych i współczesnych* (Cracow 2019)
[Eight essays on popular culture works of past and present]**

The review deals with the collection of essays by Wojciech Kajtoch (a prominent Polish philologist) devoted to various pop culture phenomena. Using the examples of speculative fiction by S. Lem, A. Strugatsky and A.K. Tolstoy, detective fiction, modern Shakespeare's film adaptations, Voltaire's "Candide" and Russian TV series, the author demonstrates that entertainment fiction may address problems of great seriousness.

Key words: popular culture, mass culture, speculative fiction, gothic fiction, philosophical fiction, detective fiction, criminal fiction, cinema, Shakespeare, Strugatsky brothers, Lem, A.K. Tolstoy, Voltaire, Russian TV series

Резюме

В рецензии представлен обзор сборника очерков Войцеха Кайтоха, известного польского филолога, о различных явлениях популярной культуры. На примерах фантастических рассказов С. Лема, А. Стругацкого и А.К. Толстого, детективной литературы, современных киноадаптаций Шекспира, вольтеровского «Кандида», а также российских сериалов автор демонстрирует, что развлекательные произведения в действительности могут затрагивать весьма серьезную проблематику.

Ключевые слова: популярная культура, массовая культура, фантастика, готическая литература, философская повесть, детективный жанр, криминальный роман, кино, Шекспир, Стругацкие, Лем, А.К. Толстой, Вольтер, российские сериалы

В книгу Войцеха Кайтоха вошли 8 очерков, 7 из которых опубликованы сравнительно недавно, в 2015–2017 гг. Исключение составляет статья о вольтеровском *Кандиде*, написанная еще в 1994 г. В каждой из этих работ анализируются явления *массовой развлекательной культуры* (Kajtoch 2019: 7).

Войцех Кайтох – известный польский литературовед, крупный специалист по истории польской и русской литературы. В сферу его научных интересов входят изучение популярной культуры, литературная критика, поэзия. Среди важнейших трудов исследователя особенно следует выделить монографию о творчестве братьев Стругацких (Kajtoch 1993), переведенную в 2003 г. на русский язык (Кайтох 2003).

В рассматриваемом сборнике затронута весьма разнообразная проблематика: от фантастических рассказов Аркадия Стругацкого до современных российских сериалов. Лейтмотив данных очерков можно сформулировать следующим

образом: развлекательные и, казалось бы, вследствие этого поверхностные элементы произведений поп-культуры могут служить целям более «серьезного» искусства. Так, например, автор указывает, что Шекспир, писавший пьесы для массового зрителя, «был в состоянии так психологически углубиться в переживания своих героев, что его потенциально развлекательный театр весьма много говорил о человеческой душе...» (Kajtoch 2019: 8).

Первый очерк, *Прологомены к «Диктантам» Станислава Лема*, посвящен циклу из 68 коротких юмористических и абсурдистских текстов Станислава Лема – *Диктанты или ... каким образом дядя Сташек в то время Михася – сейчас Михала – учил писать без ошибок*, написанному в 1970 г., но опубликованному только в 2001 г. С помощью этих диктантов С. Лем готовил племянника своей жены к сдаче экзамена по орфографии, необходимого во времена социалистической Польши для поступления в техникум. В данной работе исследователь поставил перед собой задачу: выяснить, имеют ли данные тексты, лишенные общей сюжетной линии, хотя бы какую-либо тематическую основу (см.: Кайтох 2019: 12).

В первую очередь, В. Кайтох предпринял частотный анализ данного произведения, чтобы выяснить, заложена ли в него та или иная шкала ценностей. Использование этого метода предполагает создание рейтинга, в котором отмечаются самые часто употребляемые автором слова. Чем чаще употребляется та или иная лексема, тем большее значение она имеет в картине мира, формируемой писателем. В результате оказалось, что с аксиологической точки зрения этот текст совершенно бессмыслен. Самым значимым словом для Лема оказалась «нога», за которым следовали «время», «глаз», «зуб» и «жена». В частности, выяснилось, что «семья» настолько же важна, как и «скунс». В. Кайтох заключил, что мир отображается в *Диктантах...* в гротескной форме, как бы «шиворот-навыворот» (см.: Kajtoch 2019: 13–14).

Автор, кроме того, попытался проверить, можно ли это гротескное произведение воспринимать как своеобразный социально-политический комментарий на реальную действительность. Он привел примеры попыток «реалистической» трактовки этого произведения. Так, депутаты партии «Лиги польских семей» усмотрели в *Диктантах...* пропаганду каннибализма и «цивилизации смерти», а экспериментальный театр «Бараках» в своей постановке интерпретировал абсурдистские тексты С. Лема как аллюзию на реалии социалистической Польши (см.: Кайтох 2019: 14–20). Проанализировав жанровые и стилистические особенности *Диктантов...*, исследователь установил, что данные попытки неубедительны, поскольку С. Лем конструировал данные тексты, заботясь только о том, чтобы в гротескно-абсурдистской форме проиллюстрировать то или иное орфографическое правило (см.: Kajtoch 2019: 21–34). Например, эпизоды «каннибализма» в действительности оказались пародией на реальные кулинарные книги. Писатель тем самым стремился вызвать у читателя эффект замешательства: совершенно абсурдные по содержанию рецепты приготовления человеческой печени он составил при соблюдении всех формальных требований жанра кулинарных книг (см.: Kajtoch 2019: 32).

В итоге В. Кайтох находит весьма простое объяснение смысла «Диктантов...», которое вкратце можно сформулировать так: С. Лем безуспешно пытался заставить своего племянника учиться, используя в качестве стимула гротескные образы собственных текстов (см.: Kajtoch 2019: 35–41). Автор заключает, что «это история о том, как непослушный ученик одолел гения» (Kajtoch 2019: 41). В целом, подход, используемый В. Кайтохом в данном очерке, особенно интересен тем, что позволяет с большей точностью определять, обладает ли в действительности то или иное литературное произведение определенными смысловыми пластами или нет.

Далее следуют 2 небольших очерка о сольных¹ произведениях Аркадия Стругацкого, написанных на закате жизни и творчества писателя под псевдонимом «С. Ярославцев» – рассказ *Подробности жизни Никиты Воронцова* (1984 г.) и повесть *Дьявол среди людей* (1990–1991 гг.). В. Кайтох обращает внимание на непривычную для тогдашнего советского читателя жанровую особенность этих произведений: если более ранние работы братьев Стругацких в большинстве своем относились к научной фантастике, то последние произведения Аркадия принадлежали к ненаучной фантастике, в которых присутствует вмешательство сверхъестественных сил и вообще различных иррациональных элементов (см.: Kajtoch 2019: 57). Исследователь подчеркивает, что *Подробности жизни Никиты Воронцова* стали рассказом о «божественном, добром чуде, которое было безнадежно испорчено человеком» (Kajtoch 2019: 59).

В случае повести *Дьявол среди людей* интерес представляют рассуждения автора о том, как Клим Волошин, главный герой, обретший сверхъестественные, буквально «дьявольские» способности после участия в работах по ликвидации последствий чернобыльской аварии и ставший с их помощью мстить своим обидчикам – партийным функционерам, демонстрирует пример особого понимания справедливости в православном дискурсе (не разделяемого, однако, официальной церковью). Любовь в понимании православных людей оказывается прерогативой Бога, а справедливость – дьявола², в то время как в том же польском дискурсе, по замечанию автора, справедливость ассоциируется непосредственно с Богом (см.: Kajtoch 2019: 74–78). В заключении В. Кайтох полагает, что следует восторгаться Аркадием Стругацким за то, что тот под конец жизни в тяжелой с психологической точки зрения обстановке готов был обратиться к проблеме нового для него идеала – «права зрелой, опытной личности к самостоятельности моральных оценок и асоциальной, анархической независимости» (Kajtoch 2019: 78).

В следующем очерке, посвященном *Кандиду*, философской повести Вольтера, В. Кайтох обращает внимание на примечательную особенность данного

¹ Борис Стругацкий, брат Аркадия и соавтор большинства его произведений, не принимал участия в создании этих рассказов.

² Если бы Бог был по-настоящему справедливым, то он бы жестоко наказал людей за их преступления. Бог, согласно этому пониманию, ставит любовь к людям выше справедливости, поэтому и не наказывает их должным образом. Соответственно, действительно справедливое, но суровое возмездие в рамках этой картины мира становится дьявольским атрибутом.

произведения: сочетание «низкого стиля» (повесть фактически является авантюрно-плутовским романом) и серьезной проблематики (проблема поиска счастья, критика оптимистического мировоззрения Лейбница и т.д.) (см.: Kajtoch 2019: 97). В общем, эта статья является своего рода подтверждением вышеупомянутого авторского тезиса о том, что сугубо массовые, развлекательные произведения (а в XVIII в. *Кандид* воспринимался именно так) могут иметь глубокое содержание.

Далее в сборнике находится статья, продолжающая анализ проблематики российской литературы в жанре ненаучной фантастики – *Попытка анализа рассказа «Семьи Вурдалака» Алексея Константиновича Толстого, его польского перевода Рене Сливовского и его киноадаптаций*. В. Кайтох отмечает, что этот готический рассказ является отличным примером восприятия писателем романтического мировоззрения (имеется в виду направление в европейской культуре XIX в.) в общеевропейском контексте (см.: Kajtoch 2019: 101). Интересен авторский сравнительный анализ данного рассказа с романтической лирикой А. Мицкевича (в частности, с его стихотворением *Свитезянка*). В произведениях А. Мицкевича, представителя раннего романтизма, сверхъестественные силы угрожают человеку только в том случае, если он нарушает определенные моральные принципы (например, совершает клятвопреступление). В то же время, А.К. Толстой, по мнению автора, принадлежащий к уже зрелому романтизму, показывает вурдалака и прочую нечистую силу как аналог природной стихии, в равной мере вредящей виновным и невиновным (см.: Kajtoch 2019: 106).

Кроме того, В. Кайтох полагает, что *Семья вурдалака* в определенном аспекте опередила свое время: А.К. Толстой впервые в рамках готического рассказа ввел фигуру *ненадежного повествователя*. Если в других аналогичных произведениях той эпохи герой-рассказчик обычно сообщал объективные и достоверные сведения, то маркиз д'Урфе, главное действующее лицо рассказа А.К. Толстого, явно субъективен (см.: Kajtoch 2019: 107).

Исследователь также сравнил польский (Р. Сливовского) и российский переводы *Семьи вурдалака* (оригинал был на французском, на русский рассказ был переведен только в 1884 г. В. Мазуркевичем уже после смерти А.К. Толстого). В. Кайтох, отметив достоинства польской версии (филологическая точность перевода), в то же время указал и на ряд спорных моментов, в числе прочего, проблему правильного перевода слова «вурдалак» на польский язык (см.: Kajtoch 2019: 120–134), а также пропуски В. Сливовским при переводе некоторых фрагментов, необходимых для передачи сверхъестественной атмосферы рассказа (см.: Kajtoch 2019: 111–120).

Наконец, в финальной части очерка автор проанализировал некоторые попытки киноадаптации *Семьи вурдалака*. В. Кайтох выделил в особенности фильм 2017 г. С. Гинзбурга *Вурдалаки*, в котором сюжет передан не с точки зрения повествователя, как в рассказе А.К. Толстого, а с позиций собственно семьи вурдалака. Это решение, по мнению исследователя, позволило проинтерпретировать оригинальную историю не как произведение в жанре ужасов (т.н. «хоррор»), а как произведение в жанре фэнтези. В. Кайтох считает, что фэнтезийный мотив экранизации заключается в том, что мир в *Вурдалаках* построен на прин-

ципе *онтологической непротиворечивости*: там существование вурдалаков является нормальным явлением, не вызывающим метафизического ужаса. Люди в киноадаптации борются с вурдалаками, в то время как в оригинальном рассказе А.К. Толстого представители нечистой силы являются сверхъестественными существами, от которых главному герою удастся спастись только при помощи чуда – божественного вмешательства (см.: Kajtoch 2019: 140–146).

Появление экранизации подобного типа В. Кайтох считает еще одним свидетельством в пользу того, что *Семья вурдалака* явно опередила свое время: оригинальное произведение А.К. Толстого, будучи написанным в типичном для того времени (сер. XIX в.) жанре готического рассказа, в то же время содержало фантазийные элементы, характерные уже для фантастики XX в. (Kajtoch 2019: 146).

В следующем очерке В. Кайтох рассмотрел монографию *Детективный роман* известного польского литературного критика-авангардиста Межвоенного периода, Станислава Бачиньского. Исследователь отмечает, что данный труд, будучи, прежде всего, по меркам настоящего времени «почтенным памятником», тем не менее, опирается на «здоровые основания». Особенно ценной В. Кайтох считает мысль С. Бачиньского о том, что развитая детективная литература обычно существует бок о бок с развитыми правовыми и демократическими традициями. Именно поэтому, с точки зрения критика, произведения этого жанра приобрели наибольшее распространение в Англии и Франции (см.: Kajtoch 2019: 178).

Дальнейшая статья исследователя (*Удастся ли пьесы Шекспира «переделать» в криминальные фильмы? О некоторых новых, «осовременивающих» киноадаптациях великого драматурга*) посвящена попыткам современного кинематографа адаптировать классические произведения к реалиям настоящего времени. Самым удачным В. Кайтох считает подход Марка Брозеса, перенесшего действие *Макбета* в небольшой шотландский ресторан XXI в. Исследователь полагает, что таким образом режиссер не столько перенес шекспировский сюжет в наше время, сколько создал его современную аналогию, в которой при всех внешних различиях сохранились ключевые смысловые элементы оригинала. Автор считает, что борьба за руководство над современным шотландским рестораном в большей мере отражает дух средневековых интриг *Макбета*, чем большинство остальных «осовременивающих» киноадаптаций, стремящихся рыцарей-аристократов представить в образе гангстеров или офисных работников (см.: Kajtoch 2019: 190–192).

Наконец, в последнем, восьмом очерке (*Российские сериалы вчера и сегодня (до 2016 г.)*) В. Кайтох обзорно рассмотрел историю российских сериалов. Исследователь считает, что жанр телесериалов, как и многие другие явления западной массовой культуры, впервые пришел в Россию в 1990-е гг. Автор подчеркивает, что «сериалы» советской эпохи вроде *Семнадцать мгновений весны* являлись скорее многосерийными телефильмами (см.: Kajtoch 2019: 195).

Если в предыдущих очерках В. Кайтох анализировал конкретные произведения массовой культуры, то в случае данного очерка исследователь рассматривал скорее общие тенденции развития сериального рынка в России, обращая особое внимание на политику государственных властей в этой сфере. Так, напри-

мер, автор отмечает, что с 2000-х гг. российские власти стали активно использовать данную отрасль в целях проведения «последовательной исторической политики», при помощи которой можно было бы воспитать нового российского гражданина, «преданного государству, армии, церкви панславистским и имперским традициям, придерживающегося традиционной нравственности». Там же В. Кайтох подчеркивает, что подобное внимание со стороны государства пошло на пользу рынку российских сериалов (Kajtoch 2019: 205–206).

В конце данного очерка исследователь приходит к заключению, что несмотря на то, что российский кинематограф только после 1992 г. начал поспешно осваивать технологию производства чисто развлекательных фильмов и сериалов, «российское телевидение может скоро стать империей качественных, амбициозных, хорошо снятых сериалов, которых никому не будет стыдно смотреть» (Kajtoch 2019: 242).

В целом, данный сборник весьма оригинальных культурологических очерков будет интересен исследователям-гуманитариям, изучающим массовую культуру.

Библиография / References

- Kajtoch, W. (1993). *Bracia Strugaccy: Zarys twórczości*. Kraków: Universitas.
- Kajtoch, W. (2003). *Brać Strugackie: Očerk tvorčestva*. Per. s pol. V. Borisova. Doneck: Izdatel'stvo Stalker [Кайтох, В. (2003). *Братья Стругацкие: Очерк творчества*. Пер. с пол. В. Борисова. Донецк: Издательство Сталкер].
- Kajtoch, W. (2019). *Osiem szkiców o dziełach kultury popularnej, dawnych i współczesnych*, Kraków: Instytut Dziennikarstwa, Mediów i Komunikacji Społecznej Uniwersytetu Jagiellońskiego.

Competing interests: The author declares that he has no competing interests.